

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Дж. КЛОУСОН

ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ

I. В статье «Родство, заимствование, случайность» проф. П. Аальто дал краткий обзор происхождения и развития алтайской теории¹, т. е. теории, согласно которой тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки произошли от общего предка — протоалтайского; в том же обзоре приводились и недавние возражения против этой теории проф. Г. Дёрфера (Гёттинген) и мое. П. Аальто настаивал на том, чтобы беспристрастный специалист в области сравнительного языкознания рассмотрел аргументы, выдвигаемые с обеих сторон, и попытался определить, является ли указанная теория правомерной или нет.

II. Аальто прав в том отношении, что уже наступило время решить этот вопрос в ту или иную сторону. В настоящее время указанная проблема, как и многие иные, выливается в спор между целыми поколениями ученых, причем ни те, ни другие не в состоянии убедить друг друга. Если не считать ныне покойных ученых, то основными сторонниками рассматриваемой теории оказываются такие ученые старшего поколения, как проф. Н. Поппе (Вашингтонский университет) и проф. К. Менгес (Колумбийский университет), которые посвятили всю свою жизнь изучению этих языков; противниками указанной теории являются в основном молодые ученые, например Г. Дёрфер и А. М. Щербак (Ленинград). Так как я старше любого из этих ученых, то может показаться аномалией тот факт, что я нахожусь среди противников теории, однако для меня эта тематика является по крайней мере довольно новой: я начал заниматься этим вопросом лишь с 1953 г., поэтому я относился к нему без предубеждения, к которому могло бы повести подробное знакомство с проблемой, и исходил из общей посылки, что знаменитые сторонники этой теории вряд ли могли ошибаться.

Итак, я не могу себя считать беспристрастным специалистом, но мне хотелось бы указать на то, что степень обоснованности данной теории может быть проверена на основе недавно разработанной методики, которая по самой своей природе является беспристрастной и достигает результатов чисто математическими средствами при очень небольшом вмешательстве оперирующего ею исследователя.

Хотя фонетические и грамматические сходства считаются иногда доказательством того, что два или более языка происходят от общего предка, все же окончательное доказательство генетического родства должно покоиться главным образом на том факте, что эти языки имеют по крайней мере достаточное количество общих для них основных слов (basic

¹ P. Aalto, Verwandtschaft, Entlehnung, Zufall, «Kratylos», X, 2, 1965.

words); потому что, как показывает опыт, такие слова обычно не заимствуются одним языком из другого, а передаются от поколения к поколению.

II. Величайшим событием в археологии нашего века было открытие способа радиоуглеродной датировки. Это произошло после того, как было установлено, что процесс распада радиоактивного изотопа углерода C_{14} , который содержится во всяком животном и растительном организме, после смерти последнего (т. е. в костях, дереве, угле и т. п.) происходит с постоянной скоростью. Сроки, в которые этот нестойкий изотоп в результате радиоактивного распада превращается в азот, были определены, после чего была составлена временная таблица, по которой можно было установить возраст любого участка археологических раскопок, содержащего остатки того или иного органического вещества. Полученные сейчас данные свидетельствуют о том, что первоначальная пропорция C_{14} в исследуемой смеси время от времени менялась по естественным причинам, которые в настоящее время еще не совсем понятны, так что, по крайней мере для некоторых периодов, при датировке археологических находок приходится пользоваться исправленной таблицей. Известен определенный предел ошибки при каждом отдельном анализе. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать следующее: если удастся показать, что остатки органического вещества по соответствующей временной таблице имеют возраст, скажем, 2000 или 3000 лет, то такая датировка является приблизительно правильной при допущении известного предела ошибки. Если же разные остатки органического вещества, извлеченные из одного и того же объекта археологических раскопок, обнаруживают несколько различную датировку, то предел ошибки можно соответственно сократить.

Антропологи давно стремились выяснить предысторию различных групп народностей, не имеющих письменных свидетельств своего происхождения, прежде всего — народностей американского континента, а также материковой части и прилегающих островов Юго-Восточной Азии, пытаясь установить генетические связи между ними. Имеется достаточно археологических данных, чтобы утверждать, что некоторые из этих групп произошли от общей народности-предка, которая в свое время раскололась на более мелкие группы, причем часть из них рассеялась в различных направлениях. Подобный вывод подтверждается тем фактом, что народы, входящие в некоторые из этих групп, используют одни и те же или близкие по корню слова для обозначения определенных основных понятий и что в пределах этих групп одни народности имеют больше общих слов, чем другие. Археологические данные даже в том случае, когда они уточняются датировкой с помощью C_{14} , сами по себе не являются достаточными для установления даже приблизительного времени распада первоначальных, «ядерных» групп на более мелкие группы, а этих последних на еще более мелкие группы, и вот примерно в 1950 г. была высказана мысль (автором ее является проф. Свадеш) о том, что методика, сходная со способом радиоуглеродной датировки, может быть использована и при лингвистическом анализе.

Были придуманы два новых слова для описания такой методики — «глотнохронология» и «лексикостатистика». Глотнохронология определялась как «изучение скорости изменений в языке и использование этих данных для исторических выводов, особенно для определения временной глубины, использование данных о временных глубинах для выяснения модели внутренних связей в пределах языковой семьи». Лексикостатистика определялась как «статистическое изучение словаря для исторических выводов». При нижеследующем изложении этой методики был использован целый ряд статей, опубликованных (с соответствующими комментариями, принад-

лежащими другим ученым) в журнале «Current anthropology», издающемся в Чикагском университете².

Отправной точкой исследований явился тот известный факт, что языки изменяются во времени: в современном языке мы используем не все те слова (или слова, близкие к ним по корню) для всех основных понятий, которые наши предки употребляли для них 500 или 1000 лет тому назад. На это указывалось в 1915 г. Сепиром, утверждавшим, что «чем больше степень языковой дифференциации в пределах определенного запаса [слов], тем больше период времени, который следует допустить для развития подобной дифференциации».

Конечно, имеется принципиальное различие между языком и органическим веществом. Это различие должно было заставить создателя глоттохронологии задуматься над возможностью применения принципов радиоуглеродной датировки к лингвистическому анализу. В остатке органического вещества процент содержания C_{14} уменьшается через определенные сроки и, наконец, полностью исчезает по истечении 11 000—12 000 лет. Число основных понятий, для которых в каждом языке должны существовать слова, — постоянно; слова, используемые для некоторых из них, изменяются время от времени, а так как каждое слово становится устаревшим и заменяется другим, то процесс начинается опять сначала. Более того, вряд ли существует полная вероятность, что слова, используемые для этих основных понятий, устаревают точно с одинаковой скоростью. Во всяком случае, если слово, используемое для одного основного понятия, устарело и было заменено другим, то более чем вероятно, что это слово опять устареет до того времени, когда слова для других основных понятий станут устаревшими хотя бы один раз. Опыт показывает, что именно так и бывает в действительности.

Идеи глоттохронологии разрабатывались постепенно. Первым и наиболее важным шагом было составление списка основных понятий, для которых в любом языке должны существовать слова. Такие слова определялись как «повседневный словарь любого языка» или как «язык повседневной жизни — ядро словаря, который первоначально усваивает ребенок и повседневно использует любой носитель (английского) языка». Конечно, для сравнительного языкознания нет ничего нового в составлении списков основных слов: один из таких списков был опубликован более 100 лет тому назад. Новым в данном случае было особое внимание к научному выбору понятий, которые следует использовать в качестве основы сравнения. Были составлены три списка, один за другим. Первый список содержал 215 единиц³, второй список — 200 единиц⁴, а третий, окончательный, — 100 «диагностических единиц» и 100 «дополнительных единиц»⁵. Различие между этими двумя видами единиц связано с учетом того факта, что слова для некоторых основных понятий более устойчивы к изменениям, чем слова для других понятий. Списки были составлены в первую очередь для анализа языков американских индейцев, но с самого начала использовались и для анализа других языков. Все списки в деталях отличались

² См.: D. H. N y m e s, Lexicostatistics so far «Current anthropology», January, 1960; K. B e r g s l a n d, H. V o g t, On the validity of glottochronology, там же, april, 1962; D. H. N y m e s, Comment on: K. Bergsland, H. Vogt, указ. соч., там же, october, 1964; N. J. v a n d e r M e r w e, New mathematics for glottochronology, там же, october, 1966. Я многим обязан указанным ученым. Без их ясных объяснений было бы невозможно написать эту статью.

³ K. B e r g s l a n d, H. V o g t, указ. соч., стр. 117—119.

⁴ D. H. N y m e s, Lexicostatistics so far, стр. 6.

⁵ Там же.

друг от друга; общее количество слов, включенных в один или большее число списков, равнялось 230—240. С самого начала ясно представлялось, что ни один из списков не является в равной мере пригодным для изучения любого языка; например, если список был бы составлен в первую очередь для анализа «алтайских» языков, он включал бы в себя одну или две единицы, которые отсутствуют в любом другом списке, или одна или две единицы опускались бы как менее характерные для данной территории. Однако нельзя отрицать, что такие различия весьма незначительны, и почти весь список составлен из понятий, для которых в любом языке по необходимости должны существовать слова.

Следующим этапом в развитии глоттохронологии было использование списка, который в то время обычно применялся в так называемых «контрольных случаях», т. е. при сравнении основного словаря на различных этапах развития отдельных языков, для которых имелись письменные тексты, охватывающие относительно большой период времени. В результате анализа ряда «контрольных случаев» М. Свадеш объявил в 1952 г., что он установил следующее: «основной словарь» изменяется с постоянной скоростью (подобно тому, — хотя М. Свадеш об этом специально не говорил, — как изменяется содержание C_{14} в органическом веществе), причем эта скорость определяется по формуле, согласно которой «в любом основном словаре около 81% слов остается в употреблении к исходу 1000 лет».

Если подставить цифру 80% вместо 81% для облегчения вычислений (это не повлияет существенно на конечный результат), получится, что из основного словаря в 200 слов в 1000 году будет еще употребляться 160 слов, в 2000 году — 128 слов, в 3000 году — 102, в 4000 году — 82, в 5000 году — 66 слов и т. д., тогда как число слов основного словаря, оставшихся к 12 000 году, будет равно 14.

Дальнейшим этапом развития глоттохронологии было: а) сравнение основных словарей двух или более языков, которые считались генетически родственными, и б) путем выявления того, сколько основных слов являются общими для двух или более из этих языков, установление даты, когда они разъединились и стали различными языками. Не было, однако, обращено внимания на то обстоятельство, что если неизвестен весь основной словарь языка-основы и любой из анализируемых языков может рассматриваться «как контрольный случай» невозможно определить, сколько основных слов (basic words) сохранилось в каждом языке. В действительности не бывает так, чтобы в какой-то данный отрезок времени язык-основа перестал существовать и два или большее количество различных языков внезапно возникли из него. На самом деле группа людей, говорящих на языке-основе, делится на более мелкие группы, которые разъединяются территориально. Представители этих новых групп все еще продолжают говорить на языке-основе, но вследствие различий в их новом физическом окружении, а также вследствие контактов с народами, говорящими на других языках, язык-основа постепенно преобразуется по-разному в каждом отдельном случае. Наиболее простым случаем является следующий: группа распадается на две более мелкие подгруппы, одна из них остается на территории своих предков, вторая перемещается в другой ареал. Вполне вероятно, что язык первой подгруппы будет изменяться медленнее, чем язык второй, и, конечно, языки обеих подгрупп будут изменяться различными путями. Если при сравнении двух языков обнаружится, что они имеют 66 общих основных слов, то в случае, если язык-основа не известен, а формула, указанная выше, — верна, несомненно, что эти языки выделились не ранее 5000 лет тому назад; если же каждый из рассматриваемых языков сохранил еще 16 других первоначальных основных слов, вычленение ука-

занных языков не могло произойти ранее 4000 лет тому назад. Однако невозможно выявить, имеются или нет еще и другие слова, помимо 66 общих слов, которые действительно восходят к первоначальному языку-основе, если этот язык-основа неизвестен, а если он известен, то имеются, конечно, более простые, чем глоттохронология, методы разработки истории родственных языков.

Когда другие ученые стали применять метод глоттохронологии, возникли иные трудности, которые поставили самую правомерность формулы под сомнение.

Прежде всего все основные понятия в английском языке выражаются отдельными словами, а некоторые отдельные слова в английском, как и в любом другом языке, многозначны. Например, *stand* может обозначать «держаться», «останавливаться» или «стоять», причем в различных языках могут использоваться неодинаковые слова для выражения всех трех или любых двух из этих понятий. Большие трудности возникли при определении понятий, выражаемых словами, которые были в употреблении 1000 лет тому назад, или даже позднее в том случае, если они в настоящее время являются устаревшими. К тому же всякие суждения о том, являются родственными или нет два слова, имеющие некоторые сходные черты, носят субъективный характер, особенно, если один или оба из рассматриваемых языков претерпели глубокие фонетические изменения.

Выше было указано на априорную вероятность того, что некоторые языки более консервативны, чем другие. Исследование списка, содержащего 100 + 100 слов, показало, что этот консерватизм имеет тенденцию быть неодинаковым в том смысле, что слова в списке «диагностических единиц» оказались более стойкими к изменениям, чем слова в списке «дополнительных единиц». Это статистически важно, ибо в конечном итоге при комбинации величин процента сохраняемости — 90% для 100 слов и 70% для других 100 слов — получается результат, отличный от величины 80% для 200 слов.

Хуже всего то, что, как было обнаружено, основной словарь некоторых языков не обладает свойством обязательно сохраняться в предсказуемой пропорции 81% за 1000 лет; некоторые языки были более стойки к изменениям (к ним этот процент сохраняемости не применим), а некоторые — менее стойки. Были сделаны попытки усовершенствовать указанную формулу с тем, чтобы учесть особые факторы, которые, как думали, обуславливают эти расхождения — в результате получилось нагромождение сложных математических формул, которые могут понять лишь высококвалифицированные математики⁶.

Сама идея глоттохронологии всегда находила отклик лишь у меньшинства антропологов, и критики вскоре начали общее наступление на эту теорию. Они указали на все перечисленные выше трудности ее применения, а также на другие трудности. Однако основное возражение было принципиальным. Указывалось, что язык — это не конкретный предмет, неживой, как органическое вещество, либо живой, как человек или животное. Это абстрактный объект, созданный человеческим мышлением, и как таковой должен вести себя скорее подобно живому организму, чем неживому веществу. В самом деле, справедливость этого подтверждается уже тем обстоятельством, что оказалось невозможным вывести формулу процента сохраняемости, одинаково применимую ко всем языкам. Если ряду живых организмов дается определенное задание, они не все выполняют его с точ-

⁶ См.: N. J. van der Merwe, указ. соч.

но одинаковой скоростью⁷. Более того, судя по аналогии с живыми организмами, маловероятно, что основной словарь языка будет изменяться с точно одинаковой скоростью в течение длительного периода времени (лошадь, бегущая на расстоянии в две мили, не сохраняет точно одинаковую скорость на всем пути — она бежит медленнее в один отрезок времени и быстрее — в другой). Скорость, с которой меняется словарный состав языка, варьируется время от времени, в зависимости от многих причин, наиболее важной из которых является то обстоятельство, в какой мере носители данного словаря находятся в контакте с носителями других языков. Это относится не только к основному словарному составу, но также (и даже более) к «периферийной» части словаря.

Суммируя сказанное, можно заключить, что глоттохронология не утвердила и никогда не утвердит себя в качестве точной науки, способной определить точно время, когда современные генетически связанные языки отделились друг от друга и стали отдельными языками. Это обусловлено по крайней мере четырьмя причинами: 1) если не известен весь основной словарь языка-основы, то невозможно определить, какая часть этого основного словаря сохраняется в любом данном современном языке; 2) не все языки изменяются с точно одинаковой скоростью; 3) ни один язык не изменяется с точно одинаковой скоростью в течение всего периода своего существования; 4) если даже определенный язык зафиксирован в письменных документах в течение достаточно продолжительного времени и может, таким образом, использоваться в качестве «контрольного случая» (т. е. можно вычислить процент сохраняемости его словаря в течение довольно длительного периода времени), то этот процент сохраняемости не может быть надежно спроектирован дальше в глубь истории и использован в качестве основы для вычисления времени, когда изучаемый язык отделился от какого-либо другого языка и стал самостоятельным языком в более отдаленном прошлом.

Тем не менее, исследования по истории отдельных языков и групп языков, проведенные в этой связи, доказали ценность лексикостатистики как методики, демонстрирующей закономерность приведенного выше афоризма Сепира. При анализе основного словаря ряда родственных языков можно показать, что те языки, у которых имеется большее количество общих слов, разошлись между собой позднее, чем те, которые имеют меньшее количество таких слов. Если же обнаружено, что некоторые языки имеют одно общее слово для одного и того же понятия, а другие языки — другое общее слово для того же понятия, то можно показать, что эти две группы восходят к первоначальному языку-основе через посредство двух различных промежуточных языков. Весьма полезен анализ словарей отдельных языков, рассматриваемых в качестве «контрольных случаев» (когда языковые данные сохранились в течение достаточно длительного периода времени), так как такой анализ показывает, являются ли эти языки по своей природе в большей или меньшей мере стойкими к изменениям по сравнению с обычными случаями.

С другой стороны, если при анализе основного словаря двух или более языков (которые, как предполагают, генетически связаны между собой) вскрывается, что они совершенно различны или обнаруживают лишь минимум общих для них слов, то из этого можно с уверенностью заключить, что указанные языки генетически не связаны между собой, а общие для них слова являются либо заимствованиями, либо сходствами случайного порядка. Такой вывод подтверждается, если анализ «контрольных случаев»

⁷ Например, если 12 лошадей и наездников поставлены в ряд и одновременно стартуют до пункта, находящегося на расстоянии двух миль, можно быть уверенным в том, что не все они прибудут туда в одно и то же время.

отдельных языков показывает, что эти языки были необычно стойкими к изменениям в известный период прошлого.

Пожалуй, самое ценное, что дали исследования в области глоттохронологии для сравнительного языкознания, — это составление списка основных понятий, используемого при сравнении словарей двух или более языков. Этот список выразил в точной форме мысль, которая в неопределенном виде наметилась в сравнительном языкознании уже давно. Лексико-статистика безусловно является совершенно беспристрастной процедурой исследования, методикой, которой мы не располагали прежде для проверки правомерности алтайской теории.

Помимо аргументов, которые относятся к фонетической и грамматической структуре и которые вряд ли могут быть решающими, ибо многие неродственные языки обнаруживают сходные фонетические и грамматические структуры, защитники алтайской теории всегда основывали свои доказательства на факте: тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки имеют так много общих слов, что разумно объяснить это можно, только допустив, что они унаследованы от протоалтайского состояния. Однако, кажется, никогда не уделялось серьезного внимания вопросу о том, являются ли эти общие слова частью основного словаря (в этом случае они были бы весьма показательны), или частью «периферийного» словаря (в этом случае они скорее всего являются заимствованиями). С помощью лексикостатистики мы можем подойти к проблеме с другого конца и выяснить с математической точностью, является ли пропорция общих основных слов статистически значимой или нет.

III. При использовании методики лексикостатистики применительно к тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам мне пришлось пройти те же этапы, которые были описаны выше. Прежде всего, понадобилось составить список двухсот основных понятий применительно к «алтайскому» окружению. Третий из составленных списков (окончательный), включающий 100 + 100 слов⁸, оказался удовлетворительным и подвергся лишь незначительным преобразованиям. Что касается 100 «диагностических единиц», то они не потребовали никаких изменений. Однако список «дополнительных единиц», не включал нескольких слов, которые весьма типичны для «алтайской» жизни: «лук», «стрела», «жилище» (шатер, юрта, дом и т. д.), «лошадь» и «ехать верхом»; нам показалось также весьма неудачным, что понятие «плакать», включенное в первый список из 215 понятий, было опущено в окончательном списке. Место для этих шести единиц в списке было найдено за счет изъятия из списка следующих понятий: 1) «тупой (неострый)», которое, по крайней мере в тюркских языках, выражается перифразами «непронзающий, неострый, без острия» и т. д., варьируемыми от языка к языку; 2) «слюна», которое вряд ли является непременной принадлежностью повседневной разговорной речи в этом ареале; 3) «дождь», которое включено в обе части списка, очевидно, как в качестве глагола, так и в качестве существительного и может быть опущено; 4) «копье», которое является намного менее характерным оружием в этом ареале, чем лук и стрела; 5) «у» и 6) «в», которые в изучаемых языках выражаются падежными аффиксами и не являются независимыми словами. Список дополнительных единиц был соответственно изменен. В принятом нами за основу третьем, окончательном списке (100 + 100 слов) словарные единицы заносились в непонятном порядке без всякой системы; оказалось удобнее подразделить их на грамматические разряды и подать слова боль-

⁸ См.: D. H. H y m e s, Lexicostatistics so far, стр. 6.

шинства разрядов в алфавитном порядке. «Диагностические единицы» ну- меровались от 1 до 100, а дополнительные единицы — от Д1 до Д100.

Следующим этапом была подготовка списков слов, которые выража- ли эти понятия в наиболее ранних сохранившихся памятниках тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Что касается тюркских языков, то, пользуясь памятниками древнетюркской, в том числе и древне- уйгурской письменности и (для заполнения некоторых пробелов) материа- лами «*Diwān Lugāti't Türk*» Махмұда Кāшгарй, представилось возможным составить список основных слов в тюркских языках периода примерно 1000 лет тому назад. Что же касается монгольских языков, то аналогич- ный список был составлен на основе «Сокровенной истории», монгольско- китайского «*Hua-i J-Yü*» и монгольских глосс к «*Muqaddimatu'l-Adab*» Замахшари, в которых содержатся основные слова, использовавшиеся в монгольских языках около 700 лет тому назад. Д-р Ч. Боуден, лектор по монгольским языкам в Институте восточных и африканских исследований при Лондонском университете, любезно проверил для меня этот список. Особую проблему представили тунгусо-маньчжурские языки. Остатки чжурчженского языка, наиболее древнего из известных тунгусо-маньчжур- ских языков, слишком скудны, чтобы дать необходимый материал. Мань- чжурский, единственный другой язык из этой группы, который имел пись- менность до XIX в., казалось, представлял очевидную альтернативу. Однако этот язык не особенно удовлетворяет нас по трем причинам: он существенно отличается от тунгусской языковой группы в целом как в области грамматического строя, так и особенно в области лексики, содер- жит много китайских и монгольских заимствований, часть из которых про- никла даже в основной словарь и, наконец, насколько мне известно, нет никакого словаря, где был бы представлен перевод на маньчжурский с какого-либо иностранного языка. Поэтому пришлось составлять список путем сложных поисков в так называемом «*Ch'ien-lung pentaglott*», т. е. в словаре маньчжурского языка с переводами на тибетский, монгольский, древнеуйгурский и китайский⁹. Проф. В. Фюкс (Кельнский университет) любезно проверил и дополнил для меня этот список.

Далее представлялось полезным выяснить, насколько были устойчи- вы к изменениям тюркские и монгольские языки в течение последних 1000 и 700 лет соответственно. Были составлены таблицы, показывающие эк- виваленты древних тюркских слов в четырех современных тюркских язы- ках, максимально отличающихся друг от друга, а именно в тувинском, уз- бекском, турецком (в том виде, в котором на нем говорили более 40 лет тому назад, до того, как начался современный период языковой реформы) и чувашском; приведены также эквиваленты древних монгольских слов в двух современных монгольских языках, словари которых имеются, — в со- временном монгольском, распространенном во Внутренней Монголии и ис- пользующем традиционный монгольский алфавит, и в современном мон- гольском, использующем кириллицу и являющемся официальным язы- ком в Монгольской Народной Республике. Это, конечно, только два из со- временных языков; анализ других языков, например, калмыцкого или бу- рятского, мог бы дать несколько иной результат.

Нет необходимости включать в настоящую статью что-либо, кроме из- ложения полученных результатов. Последние содержатся в таблицах 1 и 2.

⁹ Выполнение такой задачи было бы по практическим соображениям невозможно, если бы я не имел возможности пользоваться прекрасным указателем к этой ра- составленным проф. Дж. Крюгером (Индианский университет) (см.: J. R. K r u e g e , Toward greater of the Ch'ien-lung pentaglott: the Mongolian index, UAJb, 35, fasc. B, 1964, стр. 231 и сл.).

При подготовке этих таблиц мне пришлось столкнуться с теми же трудностями, какие были и у других исследователей в этой области. Прежде всего, в отношении сохраняемых лексических элементов (*survivals*) дело обстоит совсем не так просто, как это кажется с первого взгляда. На самом деле имеется четыре вида таких лексических элементов, обладающих различными степенями сохраняемости: 1) старое слово с фонетическим изменением или без него (или близкое по корню слово — например, существительное или прилагательное, образованное от глагола, может сохранять первоначальное значение глагола); 2) старое слово может сохраниться, но с измененным значением (например, древнемонгольское слово, обозначающее «голову» в анатомическом смысле, в настоящее время сохранилось только в виде прилагательного во фразах типа англ. *head man*), а вместо него в первоначальном значении этого слова стало употребляться другое древнее слово, первоначально имевшее несколько иное значение; 3) старое слово может сохраниться с измененным значением, а вместо него в первоначальном значении употребляется другое слово, которое не обязательно является древним и даже может быть заимствованием; 4) старое слово может устареть и быть замененным другим старым словом, которое первоначально имело несколько иное значение.

Только в первом из этих случаев мы в полной мере имеем дело с сохраняемым лексическим элементом, хотя сохраняемый элемент в разной мере представлен и в других случаях. Эти четыре случая занесены в таблицы 1, 2 и пронумерованы (1), (2), (3) и (4) соответственно.

Имеется и еще одна сложность. Ч. Боуден обратил мое внимание на то обстоятельство, что в некоторых современных монгольских языках ряд старых слов сохранился в своем первоначальном значении, но эти слова больше не являются самыми распространенными лексемами, используемыми в этом значении. Это, однако, явление, вполне обычное для всех языков; например, в английском языке старое слово *banquet* вполне понятно, хотя и наиболее обычным словом, используемым в этом значении, является *dinner*.

В случаях, когда старое слово исчезает и не заменяется другим старым словом, оно заменяется заимствованием, а иногда словом, заимствованный характер которого трудно доказать, но которое не может быть прослежено в более ранний период. Мы считали полезным различать эти два случая в таблицах 1, 2.

При составлении таблиц нельзя было избежать некоторой субъективности суждений. Особые трудности пришлось преодолевать при интерпретации чувашского списка. В принципе этот язык произошел от языка тюркской народности, которая переместилась со своей первоначальной родины в Восточной Азии в долину Волги, возможно уже в IV или V в.; есть некоторые данные, говорящие о том, что уже в этот период чувашский язык в некоторых отношениях и особенно в области фонетики стал заметно отличаться от предка других тюркских языков. Позднее он впитал в себя ряд заимствований, особенно в периферийной части словаря — часть заимствований исходила от татар и других тюркских народностей, которые появились в этом ареале в более позднее время, а часть проникла в чувашский из языков соседних финно-угорских народностей. Чувашский язык получил письменность не ранее XIX в. Мы располагаем данными по исторической фонетике этого языка, достаточными для того, чтобы с полной уверенностью считать, например, что *vërëm* «длинный» — то же слово, что и обычное тюркское *uzu:n*, но произносимое иначе, и что *pilëk* «пять» соотносимо с обычным тюркским *bé:ş*. Тем не менее в некоторых случаях, действительно возникает сомнение в том, можно ли соотнести специфическое чувашское слово с обычным тюркским словом того же значения.

Анализ приведенных таблиц показывает:

1. Монгольские языки оказались исключительно стойкими к изменениям: лишь 1% слов, широко употреблявшихся 700 лет тому назад, в настоящее время полностью устарел; почти 95% слов все еще широко используется в своем первоначальном значении, хотя 1 или 2% из них больше не являются словами, обычно используемыми в этих значениях.

2. За исключением чувашского языка, который отделился от других тюркских языков не 1000, а по крайней мере 1500 или более лет тому назад, и в меньшей степени тувинского языка, тюркские языки оказались сверхстойкими к изменениям. Диагностические единицы были несколько более стойкими к изменениям, чем дополнительные единицы. В узбекском только 9%, а в турецком только 10% слов, использовавшихся 1000

Таблица 1

Сопоставление основного словаря древнетюркского с основным словарем современных тюркских языков

Диагностические единицы	Тувинский	Узбекский	Турецко-османский	Чувашский
Градации сохраняемости (1)	81	91	92	77
(2)	3	—	1	—
(3)	2	—	1	—
(4)	5	3	4	7
Займствования	3	6	—	3
Прочие случаи	6	—	2	13
Общее число диагностических единиц	100	100	100	100
Дополнительные единицы				
Градации сохраняемости (1)	80	88	84	62
(2)	3	1	1	—
(3)	1	1	1	2
(4)	5	3	4	9
Займствования	2	3	4	2
Прочие случаи	9	4	6	25
Общее число дополнительных единиц	100	100	100	100

лет тому назад, стали полностью устаревшими [в таблицах 1, 2 эти цифры составляют общее число «градации сохраняемости (4)» + «займствования» + «прочие случаи»] и почти 90% слов все еще используется в своем первоначальном значении.

IV. В свете полученных данных можно начать рассмотрение списков слов, использовавшихся для выражения 200 основных понятий в тюркских языках X в., в монгольских языках XIII в. и в маньчжурском языке XVIII в. (см. табл. 3). Для облегчения сравнения общие слова или слова, общность которых возможна, в двух разных колонках даны курсивом. Единицы, специально рассмотренные в статье, снабжены звездочкой.

Необходимо сделать ряд замечаний относительно некоторых из рассматриваемых слов:

Таблица 2

Сопоставление основного словаря древнемонгольского с основным словарем современных монгольских языков

Диагностические единицы	Современный письменный монгольский	Монгольский, употребляемый в Монгольской Народной Республике
Градации сохранности (1)	94	94
(2)	—	—
(3)	5	4
(4)	—	—
Заемствования	—	—
Прочие случаи	1	2
Общее число диагностических единиц	100	100
Дополнительные единицы		
Градации сохранности (1)	95	93
(2)	2	2
(3)	2	3
(4)	1	1
Заемствования	—	—
Прочие случаи	—	1
Общее число дополнительных единиц	100	100

№ 2. Кора березы является единственной корой, которая имеет экономическое значение в «алтайском» ареале.

№ 8. Большинство языков использует одно и то же слово для обозначения (человеческого) «ногтя» и «когтя» (у животного).

№ 12. Все три группы языков различают «землю» в противоположность «небу», причем это слово используется еще и для обозначения: «страна, место» и т. п., а также «земля» в смысле «почва».

№№ 20, 22, Д1, Д20. Во всех трех группах языков имеется тенденция использовать одни и те же слова для обозначения «кисти руки» и «руки», «ноги» и «ступни» соответственно. Аналогичное явление наблюдается в русском (*рука* «кисть руки/рука в целом»; *нога* «нога в целом/ступня»); в китайском одно и то же слово используется для обозначения «кисти» и «руки» и различные слова для обозначения «ноги» и «ступни».

Как в тюркских, так и в монгольских языках имеются специальные слова для обозначения «верхней части руки» и «бедра», а эти последние иногда используются также для обозначения «руки» и «ноги».

№ 21. Тюркские языки, видимо, являются единственными, где различаются «волосы (на голове), волосы (на теле животного), волос (вообще)».

№ 30, Д17. В тюркских и монгольских языках используется одно и то же (тюркское) слово для обозначения «мужчины» (в противоположность «женщине») и «мужа», а в маньчжурском языке в этом случае употребляются разные слова. Слова, используемые для обозначения «человека» в смысле «персона» (№ 38), отличны от этих последних.

Т а б л и ц а 3

Понятие	Древнетюркский	Древнемонгольский	Маньчжурский
Диагностические единицы			
Существительные			
1. Зола	kül	(h)ünesü(n)	fulenggi
2. (Березовая) кора*	to:z	uyılsun	çalfa, alan
3. Живот	karın	ke'eli	hefeli
4. Птица	kuş	şıba'un	gasha
5. Кровь	ka:n	çısun	senggi
6. Кость	süñük	yasun	giranggi
7. Грудь	tö:ş (dö:ş), kögöz	çe'eji	tunggen
8. Коготь (палочка)	tırnak, tarma:k	kimüsü(n)/kimül	oşoho
9. Облако	bulut	e'ülen	tugi
10. Собака	it	noçay	indabôn
11. Ухо	kul(k)ak	çikin	şan
12. Земля			
(а) вообще*	yé:r	çajar	na
(б) почва	topra:k	köser, şıroy	boihon
13. Яйцо	yumurtğa:	ömdegen/öndegen	umhan
14. Глаз	kö:z (gö:z)	nidun	yasa
15. Жир	ya:ğ	e'ükün/ö'ükün	nimenggi
16. Перо	yüg	ödön	funggaha
17. Огонь	o:t (o:d)	al	tuwa
18. Рыба	balık	ji'asun	nimaha
19. Плоть (мясо)	et	miqan	yali
20. Нога*	ađak	köl	bethe
21. Волос			
(а) вообще	kıl	(h)üsü	funiyehe
(б) на голове	saç	»	»
(с) на теле	tü:	»	»
22. Рука*	elig	çar	gaia
23. Голова	baş	teri'un	uju
24. Сердце	yürek	çirüge/çürüge	niyaman
25. Рог	bünüz	eber	uyhe
26. Колено	ti:z (di:z)	ebüdüg	buhi
27. Лист	yapurğa:k	nabçin	abdaha
28. Печень	bağır	(h)elige(n)	fahün
29. Вошь	bit	bö'estün	cihe
30. Мужчина, самец*	er, érkek	ere	haha
31. Луна	a:y	sara(n)	biya
32. Гора	ta:ğ (da:ğ)	a'ula	alin
33. Рот	ağız	ama(n)	angga
34. Имя	a:t (a:d)	nere	gebu
35. Шея	boyun	küjügün	meifen
36. Ночь	tün (dün)	süni	dobori
37. Нос	burun	qabar	oforo
38. Человек (персона)	kişi:	gü'ün	njyalma
39. Дождь	yağmur	qura	aga
40. Дорога (путь)	yo:l/oruk	jam/mör	juğön
41. Корень	kök, yiltiz, tö:z	(h)uja'ur/uju'ur	da
42. Песок	kum, kayır	elesü (n)	yongga
43. Семя	uruğ	(h)üre	use
44. Кожа	teri: (deri:)	arasun	suku
45. Дым	tütün	(h)uni	şanggiyan
46. Звезда	yultuz	(h)odun	usiha
47. Камень	taş	çila'un, gürü	wehe
48. Солнце*	kün	naran	şun
49. Хвост	kudruk	se'ül	unçehen

Продолжение

Понятие	Древнетюркский	Древнемонгольский	Маньчжурский
50. Язык	t̄il (d̄il)	kelen	ilenggu
51. Зуб	t̄iṣ (d̄iṣ)	ṣidü(n), südü(n)	weihe
52. Дерево, лес	ığaç	modon	moo
53. Вода	su:v	usu(n)	muke
54. Женщина* (самка)	evçi; ura:ğut (tiṣi:/diṣi:)	eme	hehe
Прилагательные			
55. Весь	barça; kop, kamağ	büri, qamuɣ	yooni
56. Большой	uluğ, beḡük	yeke	amba
57. Черный	kara:	qara	sahaliyan
58. Холодный	soğuk	köyiten	sahôrun
59. Сухой	kurug	qokimay	olhon
60. Полный	tolu: (dolu:)	dü'üren	jalu
61. Хороший	edgü; yaxşı:	sayin	sain
62. Зеленый	yaşil	noɣo'an	niowanggiyan
63. Горячий	isig	qala'un	halhôn
64. Длинный	uzu:n	urtu	golmin
65. Многочисленн.	üküş	olon	geren, labdu
66. Новый	yañi:	şine	içe
67. Красный	kizil	(h)ula'an	fulgiyan
68. Круглый	teğirmi: (değermi:)	tögöriğey, tö'erig	muheliyen
69. Маленький	kiçig	üçügen	añige, oşohon
70. Белый	a:k	çaɣa'an	şanyan
71. Желтый	sariğ	sira (şira)	suwayan
Местоимения			
72. Я*	ben	bi (Gen. minö)	bi
73. Мы*	biz	ba (ЭКСКЛЮЗ.), bida (ИНКЛЮЗ.)	be (ЭКСКЛЮЗ.) muse (ИНКЛЮЗ.)
74. Ты	sen	çi (*ti)	si
75. Этот	bu: (?bo:)	ene (МН. Ч. ede)	ere
76. Тот	ol	tere (МН. Ч. tede)	tere
77. Кто?	kim	ken	we, ya
78. Что?	ne	ya'u	ay, ya
Числительные			
79. Один	bi:r	nigen	eme
80. Два	ékki	qoyar	juwe
Наречия			
81. Нет:			
а) в изоли- ров. слу- чаях:	(suffix)	ese, ülü	akâ
б) «не есть»	dağ ol, degül	—	»
в) «не су- ществует»	yok	üğe'üy	»
Глаголы			
82. Кусать	işir-tiṣla:- (diṣla:-)	ja'u-, qaja-	sai-
83. Жечь (пере- ходн.)	örte:-, küñür-, yak-	tüle-	tufada-
84. Приходить	kel- (gel-)	ire-	ji-
85. Умирать	öl-	ükü-	buçe-, buda-
86. Пить	iç-	u'u-	omi-, waida-
87. Есть, кушать*	yé:-	ide-	je:-
88. Летать	uç-	nis-	teye-
89. Давать	bê:r-	ök-	bu-
90. Слышать (слушать)	éşid- (tiğla-)	sonos-	donji-

Продолжение

Понятие	Древнетюркский	Древнемонгольский	Маньчжурский
91. Убивать	ölür-	ala-	wa-
92. Знать	bil-	mede-	sa-
93. Ложиться	yat-	kebte-	dedu-
94. Говорить	té:- (dé:-), sözle:-	ke'e-, ügüle-, kelele-	se-, gisure-
95. Видеть	kör- (gör-)	üje-	tuwa-
96. Сидеть	olor-	sa'u-	te-
97. Спать	udī:-	umta-, unta-	amga-
98. Стоять	tur- (*dur-)	baiyi-	ili-
99. Плавать	yüz-	onba-	selbi-
100. Ходить	yorī:-	yabu-	yabu-
Дополнительные единицы			
Существительные			
Д1 Рука*	elig, ko:l	γar	gala
Д2 Стрела	ok	sumu(n)	niru
Д3 Спина (анат.)	arka:	aru	fisa
Д4 Лук (оружие)	ya:	numu(n)	beri
Д5 Ребенок*	ké:nç (gé:nç)	no'un, kö'üken	ju i
Д6 День*	kün	üdür	inenggi
Д7 Пыль	to:z, to:ğ	to'osun	buraki
Д8 Жилище	e:v	ger	boo
Д9 Отец	kaŋ, ata:	eči'e	ama
Д10 Цветок	çêçek	çeçeg	ilha
Д11 Туман, мгла	tuma:n (duma:n)	budan, manan	talman
Д12 Фрукт	yémiş	jimiş	tubihe
Д13 мех*	kürk	nekey	furdehe
Д14 Трава	ot	ebesün	orho
Д15 Кишки (внутренности)	bağirsuk, içegü:	abit, gedesün	duha
Д16 Лошадь	at	mori(n)	morin
Д17 Муж*	er	ere	eygen
Д18 Лед	bu:z	mölsün	juhe
Д19 Озеро	kö:l (gö:l)	na'ur	omo
Д20 Нога*	ađak, bu:t	γuya	bethe
Д21 Губа	érin	(h)urul	femen
Д22 Молоко*	sü:t (sü:d)	sün	huhun(женское) sun(животное)
Д23 Мать	ö:g; ana:	eke	eme
Д24 Пул	kindik	köyesün	ulenggu
Д25 Веревка, бечевка	yıp	de'esün	futa
Д26 Соль	tu:z	dabusun	dabsun
Д27 Море	taluy, teñiz (deñiz)	dalay, ²	mederi
Д28 Небо*	teñri:, kö:k (gö:k)	tehgégi, (oqtarγoy)	abka
Д29 Змея	yıla:n	moyay	meihe
Д30 Снег	ka:r	časun	nimanggi
Д31 Жена	kisi:	gergey	sargan
Д32 Ветер	yé:l	key	edun
Д33 Крыло	kanat	ji'ür	asha
Д34 Червяк	kurt	qoroday	umiyaha
Д35 Год*	yıl	(h)on, jil	aniya
Прилагательные			
Д36 Живой	tirig (dirig)	amidu	ergengge
Д37 Плохой	yavlak, yavuğ, yama:n	ma'u	ehe
Д38 Правильный, правдивый	çin, kértü:	ünen	mene, yala
Д39 Темный	karahgu	qaraγuy	farhön
Д40 Грязный	kirlig	burtaq	langse

Продолжение

Понятие	Древнетюркский	Древнемонгольский	Маньчжурский
Д41 Далекий	uzak, ĩrak	qola	goro, aldangga
Д42 Малочис- ленный	a:z	jöyen	komso
Д43 Тяжелый	ağır	kündü	ujen
Д44 Левый (не правый)	so:l	je'ün	dashôwan, hasho
Д45 Узкий	ta:r (da:r)	(h)i' ütan	isheliyen
Д46 Близкий	yağuk, yakın	oyıra	hançj
Д47 Старый			
(а) вообще*	eski:	qa'uçin	fe
(б) о чело- веке	(avıçğa:) karı:	(ebügen)	sagda
Д48 Другой, различный	özge:, öñj:	busu, ö'ere	ençu
Д49 Правый (не левый)	oñ	bara'un	jebele, içi
Д50 Спелый	bışığ, olğun	bolbasun	ureshôn
Д51 Гнилой*	irig	(iljilemel)	niyaha
Д52 Острый	yitig	qurça	daçun
Д53 Короткий	kısğa:	oqor	foholon
Д54 Гладкий, ровный	tü:z (dü:z)	qabtaçay	neçin, halfiyan
Д55 Прямой	köni:	şidurçu	tondo
Д56 Толстый	kalın, yoğun	juja'an	muwa, jiramin
Д57 Тонкий	yinçge	nimgen, narin	narhôn, nekeliyen
Д58 Мокрый	ö:l, çig	noyitan	usihin
Д59 Широкий	ké:ñ	a'uy, örgen	leli, onço
Местоимения			
Д60 Вы	siz	ta	suwe
Д61 Он	ol (род. пад. anıñ)	(*i, род. пад. inö), tere	i
Д62 Они	ola:r, anla:r	(*a, род. пад. ano), tede	çe
Числительные			
Д63 Три	üç	çurban	ilan
Д64 Четыре	tört (dört)	dörben	duin
Д65 Пять	bé:ş	tabun	sunja
Наречия и т. п.			
Д66 Вниз	kođi:	dooro (doořiš)	fejile, fejirge
Д67 Здесь	bunta:	ende	eredede
Д68 Как?	neçük, kalı:, kalti:	ker	adaramede
Д69 Если*	abañ (суффикс)	kerber (суффикс)	aikabade(суфф.)
Д70 Там	anta:	tende	terede, tede
Д71 Вверх	örü: (yokaru:)	de'ere (de'egši)	dergi
Д72 Когда?	kaçan	keli, (kejiye)	atanggi
Д73 Где?	kanta:, kanı:	qa'a	yade, aibide
Д74 С*	birle:	(суффикс), qamtu	sasa, emgi
Глаголы			
Д75 Дуть	ür- es-	keyis-	edu-
Д76 Плакать	ığla:-	uiyila-	songgo-
Д77 Резать	bıç-, kes-	çabçi-, oqtal-	giri-, fata-
Д78 Копать	kaz-	uqu-	fete-
Д79 Падать	tüş- (düş-)	una-	tuhe-
Д80 Бояться	kork-	ayu-	gele-
Д81 Течь	ak-	urus-	eye-
Д82 Замерзать (не- переходн.)	toñ- (doñ-)	köbşi-	beye-

Продолжение

Понятие	Древнетюркский	Древнемонгольский	Маньчжурский
Д83 Ударять	ur-, çap-, sok-	ašigi-, delet-, tus-	tanta-
Д84 Держать	tut-	(h)atγu-, bari-	sefere-, jafa-
Д85 Пронзать	öt-, tel-(del-), teş-(deş-), sanç-	qatγu-, ülge-	fonđolo-
Д86 Тянуть	tart-	čir-, jikdü-, tata-	tata-
Д87 Толкать	it-	türe-	ana-
Д88 Садиться верхом (пере- ходн.)	bin-	uno-	yalu-
Д89 Тереть	türt-(dürt-), sürt-	arči-	hisha-, sibiša-' monji-
Д90 Шить	tik-(dik-)	oya-	ifi-, ufi-
Д91 Петь	irla:-	da'ola-	učule-
Д92 Раскалывать (переходн.)	yar-	qaçal-	sači-
Д93 Сжимать	kis-, sik-	daru-	siri-
Д94 Сосать (а) сосать вооб- ще	sor-	šimi-(* simi-)	simi-
(б) сосать грудь	em-	kökö-	
Д95 Набухать	siş-, kabar-	šiberi-, qabud-	aibi-
Д96 Думать	sakın-	setki-	göni-
Д97 Бросать	at-	tebči-	faha-, waliya-
Д98 Связывать	ba:-, bağla:-	büsele-	hotho-, hówai-
Д99 Вырывать, выбрасывать из желудка (в ре- зультате рвоты)	kus-	bö'ölje-	ta- ogši-
Д100 Мыть (пере- ходн.)	yu:-	ukiya-	obo-

№ 40. «Дорога» в смысле пути, используемого животными или пешеходами, является более старым понятием чем «дорога» в смысле пути, используемого множеством людей или экипажами. В первом случае в тюркском используется слово *oruk*, а в монгольском *mör*. Тюркское слово, обозначающее «дорогу», *yo:l*, первоначально, вероятно, имело значение «пути», скорее в абстрактном смысле, чем в смысле «проложенной дороги». Монгольское слово, со значением «дорога» — *jam*, позднее заимствованное в тюркские в виде *yam*, очевидно, является заимствованием из китайского языка: китайск. *chan* (среднекитайское *t'am*) первоначально обозначало «остановка в пути», «почтовая станция» и только позднее стало обозначать «дорогу».

№ 54. В монгольских и в маньчжурском имеются особые слова для обозначения «женщины». В тюркских есть специальное слово, обозначающее «особь женского пола (вообще)» *tişi* (*dişi*), но в значении «женщина» в различные периоды развития языка использовались различные слова или сочетания; в наиболее ранний период обычным оборотом, использовавшимся в этом значении, был *uzu:n tonlug* «с длинной одеждой»; слово *ura:gut* засвидетельствовано только с XI до XIV в.; *evçi*, буквально «домашняя хозяйка», использовалось в этом значении с самого раннего периода и все еще сохранилось в некоторых языках; однако в большинстве современных языков используются арабские заимствования, которые имеют другие буквальные значения («*rudenda*, слабый» и т. д.).

№ 55. Единственным словом, общим для тюркских и монгольских языков, является иранское заимствование, которое в тюркские попало в виде *katağ* и далее испытало лабиальную аттракцию (*qatıy*).

№№ 72, 73. Известно (но до сих пор не объяснено), что имеются фонетические сходства между личными местоимениями в языках, которые совершенно не связаны друг с другом, например, между англ. *mine*, нем. *mein* и формой род. падежа (с лабиальной ассимиляцией) в тюркских *meni* (от *ben*) и монгольских *minö* (от *bi*); между латинским *tu* «ты» и монгольским *či* (**ti*). Фонетические сходства между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками в отношении этих двух словарных единиц нельзя, таким образом, признать показательными.

№ 73. Как в монгольских, так и в маньчжурском имеются различные слова для обозначения эксклюзивного «мы» (т. е. «мы, без вас») и инклюзивного «мы» («я, или мы, с вами»). В тюркских языках используется одно и то же слово для обоих случаев.

№ 87. Хотя теоретически возможно, что тюрк. *yé*:- ранее было представлено в виде *dé*:- и соотносилось с монгольским *ide*:-, однако это очень маловероятно. Не исключено также, что маньчж. *je*- соотносимо с тюрк. *yé*:- (в некоторых диалектах *je*-) или с монг. *ide*:-, но вероятность этого также весьма незначительна. Сходство указанных единиц почти наверняка является случайным.

Д6 (и Д48). В тюркских языках одно и то же слово используется для обозначения «солнца» и «дня», в монгольских же и в маньчжурском в этом случае представлены разные слова.

Д13. Трудно найти собирательные термины, обозначающие «мех» в ранний период существования тюркских и монгольских языков. Первоначально одни и те же слова использовались для обозначения отдельных пушных зверей, например, куницы или соболя и их меха; позднее слова со значением «кожа» стали связываться с этими словами. Тюрк. *kürk* как собирательный термин не засвидетельствовано до XI в., а монг. *nekey*, в настоящее время обозначающее «мех» вообще, первоначально обозначало только «овчину».

Д22. Только в маньчжурском различаются «молоко» человека и животного.

Д27. Тюрк. *taluy* безусловно является китайским заимствованием. Было высказано правильное предположение, что это слово состоит из *ta* «большой» и *luy* (средневековое название реки Санганьхэ в пров. Цзянси, по которой тюрки совершили набег в конце VII в. и впервые увидели море). Монг. *dalay*, по-видимому, является тем же самым словом, однако остается невыясненным вопрос о том, было ли это слово заимствовано из тюркских языков или непосредственно из китайского.

Д28. *Tegri* было унаследовано тюрками из языка Hsiung-nu, который, возможно, был (а возможно и не был) предком тюркских языков. Это слово обозначало собственно «небо» в мистическом, религиозном значении и использовалось в физическом смысле только в таких сочетаниях как «небо и земля». Оно, безусловно, было заимствованием в монгольских языках, где использовалось в том же значении. Современное монгольское слово для обозначения «неба» *oqtaryoy* /*ogorguy* не отмечено в ранний период, хотя, возможно, и является старым словом.

Д35. Монг. *jil* используется только в ограниченном смысле «год двенадцатилетнего животного цикла» и, безусловно, является заимствованием, вошедшим в язык в то время, в какое вошел и сам цикл. Из словаря Махмуда Кашгарий (I.31 в переводе Аталая) известно, что звуковой переход *y > c* (*i*) был характерен для некоторых огузских диалектов. К XI в. большинство огузов переместилось далеко на Запад, но в VIII в. они оби-

тали главным образом в северо-восточной окраине степей, в районе рек Селенга и Тола и находились там в течение длительного времени. Это слово было, вероятно, заимствовано у них монголами или их предками киданями вместе с двенадцатилетним животным циклом (очевидно, во второй половине первого тысячелетия).

Д47. Тюрк. *karı* обозначает «старый» (вообще) по отношению к людям, а *avıǰa*: и монгольское *ebügen* использовались в более специальном значении «старик».

Д51. Очевидно, ни одно древнемонгольское слово со значением «гнилой» не сохранилось.

Д69. Во всех трех группах языков «если» представлено условным наклонением и во всех трех условное предложение может (но не обязательно) начинаться самостоятельным словом «если». Тюрк. *abağ* устарело еще в ранний период языкового развития.

Д74. Предлог «с» выражается в монгольских и большинстве тунгусо-маньчжурских языков комитативом (совместным падежом), который отсутствует в тюркских. В тюркских и маньчжурском языках, которые утратили комитатив, это значение выражается послелогом, а в монгольских языках послелог иногда выступает вместе с комитативом.

Сопоставление тех колонок в табл. 3, которые содержат тюркские и маньчжурские слова, показывает, что за исключением звуковых совпадений в №№ 72 и 73, и возможно, 87 (которые по указанным выше причинам нельзя считать показательными), основные слова, (basic words), общие для тюркских и маньчжурского, отсутствуют, и, следовательно, эти две языковые группы вряд ли могут быть генетически связаны.

Сравнение колонок с тюркскими и монгольскими лексемами позволяет насчитать в этих двух колонках 16 слов, которые следует признать безусловно или возможно идентичными или соотносимыми, но не больше чем 16. Двенадцать из них распадаются на четыре группы, содержащие слова с одинаковыми характеристиками.

1. Звуковые совпадения в №№ 72 и 73 нельзя считать показательными.

2. Слова, общие для двух колонок в №№ 55 («все»), Д27 («море») и Д28 («небо»), в тюркских языках являются заимствованными из других языков, а в монгольских — либо заимствованиями из тюркских, либо (что менее вероятно) из других языков, послуживших первоначальным источником.

3. В № 24 («сердце»), Д12 («фрукт») и Д35 («год») монгольское слово, начинающееся с *j*, соответствует тюркскому слову, начинающемуся с *y*. По причинам, уже изложенным выше, *ǰil* «год» является тюркским заимствованием; таким же заимствованием должно быть и *ǰimiş* «фрукт», так как *yémiş* представляет собой отглагольное образование от *yé*: «есть, кушать», причем ни суффикс *-miş*, ни сам глагол не встречаются в монгольских. Разумно поэтому предположить, что № 24 также является тюркским заимствованием, воспринятым из того же диалекта и примерно в то же время, что и два других слова. В равной мере разумно предположить, что Д10 («цветок») — слово того же типа, что и Д12 («фрукт»), и является тюркским заимствованием.

4. В трех случаях [№№ 47 («камень»), 68 («круглый») и Д7 («пыль»)] монгольские слова легко объяснить как тюркские заимствования с монгольскими суффиксами, но трудно объяснить каким-либо другим образом.

Понятие «камень», обычное тюркское *taş*, в чувашском представлено словом *çil*.

Имеются причины (их слишком сложно было бы объяснять здесь), дающие основание предполагать: 1) что название *Çuvaş* является поздней формой старого племенного названия *Tavğaç*, и 2) что чувашский язык является развитием языка исторических тавгачей (Т'о-ра в китайских

списках), которые основали династию Вей, или Т'о-ра, в северном Китае в IV в. и были в течение ряда лет в тесном контакте с киданями. *Cila'un*, *çil(taş)* с монгольским суффиксом *-(a)'un*, вероятно, вошли в киданьский язык в этот период.

Соответствие в № 68 — неполное. *Tegirmi*: является отглагольным прилагательным, образованным от глагола **tegir-* «окружать, вращаться» и т. п., который не сохранился в основной форме и является основой таких тюркских слов, как *tegre*-, *tegi*-, *tegirmek* и *tegirmen*. Другое возможное производное слово **tegirig* не засвидетельствовано, но к нему, видимо, восходит монг. *tö'erig*, а *tö'erige*y получило в результате наращивания к нему монгольского суффикса *-gey*. Нет ни одного известного монгольского глагола, от которого могли быть произведены эти слова.

To'osun «пыль» вполне очевидно является тюркским словом *to:ğ*, к которому присоединен монгольский суффикс *-(o)sun*.

Таким образом, остаются только № 30 (и Д17) *er — ere* «мужчина, муж», № 57 *kara*: — *qara* «черный», Д39 *qaraŋgu — qaraŋgu* «темный» и, возможно, № 71 *sariğ — šira(sira)* «желтый», которые отвечают всем условиям лексикостатистики и могут образовывать основу теории о генетической связи двух групп языков — тюркских и монгольских. Совершенно ясно, что их недостаточно для этой цели.

Сопоставление колонок с монгольскими и маньчжурскими словами затрудняется тем фактом, что в «периферийном», а отчасти даже в основном словаре маньчжурского языка известно большое количество китайских и монгольских заимствований. В приводимом списке, по крайней мере, два слова — № 52 «дерево, лес» *too* и Д40 «грязный» *langse* безусловно являются китайскими заимствованиями; поэтому неудивительно обнаружить здесь также и некоторые монгольские заимствования. Сравнение двух списков показывает, что в этих двух колонках имеется не менее 15 слов, которые безусловно или возможно идентичны либо соотносимы, но не более 15. Важно, что ни одно из этих слов не совпадает с теми, в которых обнаруживаются соответствия между колонками с тюркскими и монгольскими словами, за исключением №№ 72 и 73. По уже указанным причинам эти звуковые сходства не могут считаться показательными. Остальные 13 единиц (две из них — сомнительны) включают четыре термина для обозначения таких животных и хозяйственных продуктов, которые жители лесов с большой вероятностью могли заимствовать от своих более культурных соседей — № 13 «яйцо» (сомнительно); Д16 «лошадь» (в культурном отношении, возможно, наиболее важное слово в списке); Д22 «(животное) молоко» и Д26 «соль». Из двух местоимений Д61 *i*, в тунгусо-маньчжурской языковой группе присуще маньчжурскому и, если не является случайным совпадением, вероятно, заимствовано из монгольского, а *tere* «тот» является монголизированной формой общетунгусского местоимения *tara*, разлагаемого на *ta* и суффикс *-ra*. После этого остаются одно существительное — № 3 «живот», три прилагательных — №№ 61 «хороший», 63 «горячий» и 67 «красный» (сомнительно), а также три глагола — № 100 «ходить», Д86 «тянуть» и Д94 «сосать». Эта последняя группа представляет не более 3,5% от всего списка. Вполне очевидно, что этого совершенно недостаточно для обоснования теории о генетических связях двух групп языков — монгольских и тунгусо-маньчжурских.

V. Результаты применения лексико-статистических методов к оценке «алтайской» теории можно суммировать следующим образом:

1. В течение исторического периода монгольские языки оставались исключительно стойкими к изменениям, а тюркские — сверхстойкими. Вряд ли есть основание предполагать, что эта устойчивость — недавнее явление.

2. Тюркские языки и маньчжурский, по всей очевидности, не связаны генетически, так как их основной словарь (basic vocabulary) не совпадает.

3. После исключения слов, которые наверняка можно признать заимствованными, общие элементы в тюркском и монгольском основном словаре составят не более 2% от основного словаря, причем эти общие слова легче объяснить как заимствования, чем как свидетельство генетических связей, особенно, если учесть сказанное выше в пункте 1.

4. После подобных же исключений общие элементы в монгольском и маньчжурском основном словаре не превысят 3,5% от всего лексического состава, причем эти слова могут быть легче объяснены как заимствования, чем как свидетельство генетических связей, особенно, если учесть приведенный выше пункт 1 и тот известный факт, что в маньчжурском многокитайских и монгольских заимствований. Даже если считать, что минимальные соответствия между основными словарями монгольских и тюркских языков и монгольских и маньчжурского языков соответственно дают определенное свидетельство *prima facie* о генетических связях, монгольские языки не могут быть генетически связаны с обоими уже потому, что тюркские языки не связаны с маньчжурским.

Следовательно, «алтайская» теория неправомерна.

Перевел с английского М. М. Маковский